

ГЛАГОЛЬНЫЕ КОМПОЗИТЫ В НАХСКИХ ЯЗЫКАХ

Сулейбанова М.У.

Чеченский государственный университет, Грозный, Россия (364907, г. Грозный, ул. Шерипова, 32), e-mail: sulejbanova/ru@mail.ru

Мы рассматриваем в первую очередь собственно глагольные композиты, т.е. сложные слова, принадлежащие к глаголу, а также композиты, включающие компоненты, относимые в традиционной грамматике к глагольным (причастие, деепричастие) и отглагольным (масдар) формам. Образование каузатива следует, безусловно, не только относить к сфере словообразования, но считать, что это словообразование композитное. Образование сложных глаголов от самых различных основ, в том числе и глагольных, с помощью вспомогательных глаголов *да* и *дала*, фактически превратившихся в суффиксы каузатива, потенциализа и других лексико-словообразовательных глагольных групп, в бацбийском языке получило более широкое развитие, чем в двух других нахских языках – чеченском и ингушском. Для глагольного композитного словообразования вопрос дифференциации сложных слов, с одной стороны, и словосочетаний и фразеологических единиц – с другой, так же важен, как для именного словообразования. Кроме того, есть определенные лексико-словообразовательные группы глаголов, относительно которых до сих пор нет ясности, к какой сфере – словообразованию или формообразованию – они должны быть отнесены.

Ключевые слова: глагольные композиты, образование каузатива, словообразование, композитное словообразование.

VERBAL COMPOSITES NAKH LANGUAGES

Sulejbanova M.U.

Chechen State University in Grozny, Russia (364907, Grozny, str. Sheripova, 32), e-mail: sulejbanova / ru @ mail.ru

We consider first the actual verbal composites, i.e. complex words belonging to the verb, as well as composites, including components attributable to traditional grammar to verbal (participle, gerund) and verbal (Masdar) forms. Education causative should certainly not only belong to the sphere of word, but assume that this derivation composite. Formation of compound verbs from a wide variety of bases, including verbal, using auxiliary verbs given, given, actually turned into suffix causative potentials and other lexical- derivational verbal groups, but language Bisyk received greater development than in two other Nakh languages - Chechen and ingushskom. Dlya verbal composite derivation question differentiation difficult words, on the one hand , and phrases, and phraseological units - the other is just as important as for the name derivation. In addition, there are certain lexical- derivational verb groups , for which there is still no clarity as to which field - word-formation or shape - vaniyu - they should be classified .Keywords: verbal composites education causative word - formation, composite derivation.

Keywords: verbal composites, education causative, derivation, composite derivation.

В статье мы рассматриваем глагольные композиты, т.е. сложные слова, принадлежащие к глаголу, а также композиты, включающие компоненты, относимые в традиционной грамматике к глагольным (причастие, деепричастие) и отглагольным (масдар) формам.

Наиболее распространенным способом глагольного словообразования в нахских языках является, как отмечается всеми исследователями грамматического строя этих языков, способ основосложения [2, с. 556]. Он являлся и является наиболее продуктивным, развивающимся способом образования слов практически всех частей речи, особенно «полнозначных», «знаменательных», в том числе и особенно – имен и глаголов. В сфере глагольного словообразования по этому способу образуются новые глаголы путем:

а) сочетания основ двух и более глаголов: чеч. *дага* (*догу* – «горит»), инг. *дага* (*доаг* – «горит»), бацб. *дакIа* – «гореть»; чеч. *дагадан*, инг. *доагаде* – «сжигать» (дословно «гореть делать»); чеч., инг. *дагадайтa* – «заставить, позволить сжечь» (дословно «гореть-делать-оставить») и т.д.;

б) сочетания глагольной и именной основ: чеч. *дага-дан*, инг. *дага-да* – «вспомнить» (дословно *дага* – «к сердцу», [*да:н*] – «приходить») и т.д.;

в) сочетания основы прилагательного и глагола: инг., чеч. *шелдар*, бацб. *пшелдар* – «охлаждение» (от чеч., инг. *шилa*, бацб. *пшел* – «холодный»); в бацбийском языке отмечаются некоторые образования, внешне сходные с чеченскими и ингушскими глаголами этой разновидности, но не совпадающие с ними по значению, ср., напр., чеч. – *харцдан* «сделать/признать ошибочным», бацб *харцдар* – «изменить, переменить» (харц 1. «наоборот, наизнанку», 2. «неправильный, ошибочный») и др. [7, с. 384].

Характерное для бацбийского языка образование сложных глаголов сочетанием собственно глагольной основы (инфинитивной по сути) с масдаром, таких как *дабцIмакар* – «мочь узнавать» (*дабцI* «узнавать» + *макар* «возможность, допущение»), *лабцIмакIар* – «мочь играть», в чеченском и ингушском языках не отмечено. Здесь бацбийским сложным глаголам соответствуют словосочетания с тем же значением (ср. чеч. *довза магар* – «возможность узнавания») и реже потенциалис (чеч. *ловзавала* – «мочь играть»), принадлежность которого к словообразованию или словоизменению однозначно не определена в чеченском языкознании до сих пор, хотя, конечно, убедительнее отнесение образования потенциалиса к словообразованию.

Образование сложных глаголов от самых различных основ, в том числе и глагольных, с помощью вспомогательных глаголов *даⁿ*, *далаⁿ*, фактически превратившихся в суффиксы каузатива, потенциалиса и других лексико-словообразовательных глагольных групп, в бацбийском языке получило более широкое развитие, чем в двух других нахских языках – чеченском и ингушском.

Для глагольного композитного словообразования вопрос дифференциации сложных слов, с одной стороны, и словосочетаний и фразеологических единиц – с другой, так же важен, как для именного словообразования. Кроме того, есть определенные лексико-словообразовательные группы глаголов, относительно которых до сих пор нет ясности, к какой сфере – словообразованию или формообразованию – они должны быть отнесены. Схожая проблема поднималась и решалась в дагестанском языкознании, поэтому есть смысл обратиться к выводам, сделанным в отношении сложных глаголов дагестанских языков.

В связи с этим следует считать справедливым мнение У.А. Мейлановой о том, что вопрос об образовании сложных глаголов и о том, какие из словосочетаний, передающих

определенное действие или состояние, считать сложными глаголами, а какие идиоматическими и другого рода устойчивыми словосочетаниями, является совершенно не решенным не только в грамматике лезгинского, но и всех дагестанских языков [5, с. 131]. Остается добавить – и нахских языков.

Ссылаясь на У.А. Мейланову и возражая Г.И. Мадиевой, неоправданно расширяющей, с его точки зрения, круг сложных глаголов аварского языка, М.Д. Хангереев сложными считает такие глаголы аварского языка, которые образованы сложением основ (с усечением или без него), из которых хотя бы один компонент в той форме, в которой он употребляется в составе конструкции, не употребляется самостоятельно. Только в таком случае их слитность и слитное написание можно считать, отмечает он, оправданными. Кроме того, сложные слова не допускают дистантного расположения составляющих их морфем. Например: *ɣlin tlamize* - «слушать» (*ɣlin* - «ухо» и *tlamize* - «стелить») – здесь глагольный компонент не сливается с именным компонентом: обе части сохраняют самостоятельность, которая проявляется: а) в способности каждого из этих компонентов сочетаться с другой лексической единицей – *ɣlin untize* - «ухо болеть»; *ɣlin ɣɔroze* - «ухо опухать» и т.д., а также слово *tlamize* - «стелить» – *бусен tlamize* - «постелить постель», *скатерть tlamize* - «постелить скатерть». Кроме того, компоненты данной конструкции допускают дистантное расположение, т.е. между ними можно вставить другие лексемы или добавить к первому компоненту одну из частиц (*-иц*, *ɣlagi* и т.д.), например: *ɣлиниц тламизе бугеб?* «будем слушать?» и т.д.

Исходя из этого, заключает М.Д. Хангереев, надо признать, что перед нами не сложный глагол, а единица, каждая часть которой самостоятельна, имеет свое лексическое значение и может быть определяема другими словами. Сложные глаголы, таким образом, должны обладать следующими признаками.

1. Такие единицы не должны допускать вставки компонентов или частиц; 2) они должны быть образованы сложением основ (с усечением или без него), из которых хотя бы один компонент в данной в конструкции форме не употребляется самостоятельно [6, с. 98-99].

Во всех этих лексемах присутствует в качестве второго компонента корень каузирующего глагола *ɣабизе* - «делать, сделать».

Для нас здесь особенно важно то, что в итоге безусловно сложными глаголами в аварском языке признаются относимые к каузативам глаголы: *боси-забизе* - «заставить взять», *аби-забизе* - «заставить говорить», *ахлизабизе* - «заставить спеть», *вачлинавизе* - «заставить прийти» и др., образованные путем редуцирования финального *-е* первого компонента и начального *-ɣь* второго компонента.

Надо полагать, что в этом отношении нахские языки не являются исключением: образование каузатива здесь следует, безусловно, не только относить к сфере словообразования, но считать, что это словообразование композитное. Причем, продуктивность сложений-каузативов очень высока во всех трех нахских языках, а в бацбийском она даже выше, чем в чеченском и ингушском: достаточно отметить, что из всей массы глагольных лексем, приведенных в словаре Н. и Д. Кадагидзе, не менее половины представляют собой каузативы, в том числе и такие, которые не имеют прямых соответствий в двух других нахских языках. С учетом других возможностей и средств образования глагольных композитов, рассматриваемых ниже, мы можем утверждать, что композитный способ является основным в пополнении словарного состава нахских языков в части глагольной лексики. Конечно, такого особого места, как в адыгских языках [1, с. 236], (хотя, впрочем, в кабардино-черкесском основосложение активно в сфере субстантивного словообразования и не особенно проявляет себя в словообразовании глагольном [3, с. 109, 239]), глагольные композиты не занимают ни в нахских, ни в дагестанских языках, но удельный вес композитного словообразования и здесь выше, чем у словообразования аффиксального.

1. Основосложение

Говоря о возникновении новых слов путем основосложения в нахских языках, мы исходим из более или менее общепризнанного факта, что корень древнейшего типа в иберийско-кавказских языках чаще всего состоял из одного согласного элемента, сочетаемого с каким-нибудь гласным звуком (*цIа* – «дом», *кIа* – «пшеница», *хи* – «вода», *ха* – «охрана», *гу* – «возвышенность, холм» и т.д.) [7, с. 384]. Однако это правило не могло быть абсолютным, не допускающим исключения. Прежде всего, такому правилу могли не подчиняться звукоподражательные слова, которых немало в нахских языках и которые обычно состоят из трех звуков (СГС): ср. в дополнение к приводившимся ранее чеченским и ингушским примерам бацб. *цIкъурцI-къур* – «ручьём», *дзугдзуг* – «мелкая рысь», *дзагдзаг* – «дрожание», *цIунIцIунI* – «хныкание» и др. Вместе с тем форма слов могла осложняться наращением звуков по фонетическим причинам. Дело в том, что замена одного звука другим, наращение звуков – явления весьма характерные для нахских языков и отмеченные в исследованиях по нахской фонетике всеми авторами, затрагивавшими фонетические процессы. Это своеобразие особенно наглядно представлено в ингушском языке: ср. чеч., инг., бацб. *лаа* – «желай, захоти», чеч. *лаам*, инг. *лоIам* – «желание» и т.д.

В то же время следует учитывать весьма важное теоретическое положение, подтверждаемое фактическим материалом о нерасчлененности основ имени и глагола, о нейтральности основ имени и глагола, основ переходных и непереходных глаголов в

иберийско-кавказских языках в древние времена. Это положение имеет большое значение для правильного освещения вопроса об образовании новых имен путем основосложения, а также через посредство присоединения к нейтральной основе детерминатива – определителя имени и глагола.

Основосложение является наиболее распространенным способом образования не только именных, но и глагольных композитов в нахских языках. Это весьма продуктивный, развивающийся способ образования слов как на собственно нахской лексико-словообразовательной базе, так и на базе иноязычных слов путем их морфологического и лексико-словообразовательного освоения, в том числе и калькирования. Продуктивность основосложения не только в именной, но и в глагольной сфере свойственна не всем кавказским языкам (в кабардино-черкесском языке, например, оно получило в сфере глагола ограниченное распространение [3, с. 239], хотя, возможно, такие выводы делаются из-за того, что некоторые специфические группы глаголов (каузатив, потенциалис и др.) в языках типа кабардино-черкесского причисляются к обычному словопроизводству (суффиксальному), в то время как их суффиксоподобные компоненты можно квалифицировать как входящие в мотивирующую базу основы, которые приобрели признаки полуаффиксов, или суффиксоидов.

В нахских языках, в традиционном освещении этого вопроса, способ основосложения широко сочетается с префиксально-суффиксальным и суффиксальным приемами словообразования: чеч. *дагада* - «вспомнить» (*дага+да*, где *д* – классный префикс в структуре второго компонента), *сихвала* - «поторопиться» (*сих/а/+вала /в-* – классный префикс), *шелвала* - «простудиться», «быть в состоянии холода», *Иалам-таллар-хо*, инг. *Иалам-д-овзархо* – «естествоиспытатель», бацб. *жаб-лехкI-уи-ла* – «коровник» и т.д. На самом деле здесь нет префиксации с точки зрения синхронного языкознания и синхронного морфемно-словообразовательного анализа подобных слов, и сомнительна отнесенность образования глаголов, подобных приведенным выше, к суффиксации. Для того чтобы считать *шелдан* - «остудить» (бацб. пшелдар), *мацдан* - «заставить проголодаться» (бацб. *Мацдар*), *кIежъяккхийта* - «вскипятить» (бац. *кIежIяхийтар*), *мустдала* - «скиснуть» (бацб. *мустIдалар*) суффиксально производными глаголами, необходимо доказать, что вторые компоненты таких глаголов, с помощью которых образуются соответственно каузатив, потенциалис, понудительный глагол, имеют только словообразовательные значения и лексически неполноценны. Вопрос, безусловно, спорный, но, с нашей точки зрения, больше оснований считать подобные глаголы композитами, чем обычными суффиксально-производными глаголами.

В определенном смысле широкое использование собственно глагольных основ в

словосложении можно считать специфической особенностью кавказских языков, которая может рассматриваться в контексте лингвистической типологии. Таким признаком не характеризуются многие языки с развитой и довольно сложной словообразовательной системой. В современном русском языке, например, основосложение как способ производства производнословных слов, в качестве производящей базы которых выступают композиты, менее представлен в составе глагольных гнезд. Он распространен среди таких производнословных существительных и прилагательных, как, например: *мяс-о-хлад-о-бойня* – мясная хладобойня, *пар-о-тепл-о-ход* – паровой теплоход, *самогон-о-варение* – варение самогона, *сам-о-опло-дотворение* – самостоятельное оплодотворение, *газ-о-турбоход* – турбоход газа, *пароход-о-владе-лец* – владелец парохода, *паро-ход-о-строитель* – строитель парохода, *газ-о-воздухо-дувка* – газовая воздуходувка, *турб-о-воздуходувка* – воздуходувка с использованием турбин, *жаротрубно-о-дымогарный* – жаротрубный и дымогарный и другие. При этом в составе самих композитов собственно глагольных основ нет, есть отглагольные существительные (-бойня, -дувка, -творение и др.).

Все сложные глаголы в литературных чеченском и ингушском, а также в бацбийском языке относятся к словам с подчинительным отношением основ.

2. Чистое основосложение

Чистое сложение — способ, который предполагает наличие двух мотивирующих основ, при этом в производство идет основа одного мотивирующего слова и целое второе слово, которое определяет грамматический потенциал сложного слова и его часть речи.

Чистое основосложение занимает одну из доминирующих позиций в производстве композитов. Все композиты в рамках этого способа характеризуются подчинительным отношением основ. Чеч. *доугдаккха*, инг. *догдаккха* - «отвратить»; чеч. *кату-оха*, инг. *катуоха* - «хватать»; чеч. *сатаса*, инг. *сатосса* - «захотеть чего-либо»; чеч. *къахъега*, инг. *къахъега* - «трудиться»; чеч. *клайда*, инг. *клейда* - «отбелить, сделать белым»; чеч. *астагъиеккха*, инг. *астагъиеккха* - «прихромать»; чеч. *халахета*, инг. *холахета* - «огорчаться, печалиться»; чеч. *хазахета*, инг. *хозахета* - «радоваться»; чеч. *иерчадала*, инг. *ийрчадала* - «обезобразиться». В чеченском и ингушском языках собственно глагольных композитов с первым компонентом *дог-* сравнительно (с бацбийским) мало, а в бацбийском языке, где само слово *догI* авторы словаря определяют как «составную часть сложных слов или словосочетаний» [4, с. 203], таких образований, многие из которых не имеют соответствий в вайнахских языках, достаточно много. Только в упомянутом словаре их насчитывается больше 30: *догI-дакIар* - «опечалиться/печалиться; огорчиться/огорчаться», *догIдашдар* - «переутомиться», *догIдиллар* - «усердствовать», *догIдоллар* - «подбодрить/подбадривать», *догIдуцIар* - «насытиться/насыщаться; пересытиться/перенасыщаться»,

докIдогар - «разбить сердце», *докIдогдалар* - «сокрушаться; разбить (о сердце)», *докIэккхдар* - «охладеть; разочароваться», *докIэккхитар* - «заставить охладеть, разочароваться», *докIэнIулар* - «привлекать к себе; тянуть к себе», *докIтивар* - «успокоиться», *докIкотIмедалар* - «обеспокоиться, опечалиться; ныть (о сердце)», *докIгазардар* - «обрадовать; подбодрить» и др.

Особенно продуктивно в чеченском языке образование глаголов (и соответственно отглагольных словоформных групп – масдаров и самостоятельных причастий) на базе существительного *са* и глагольной основы (или даже на базе сложного глагола – каузатива или потенциалиса; в этом случае это уже трехкомпонентные композиты): *сабIарзда* - «расстроиться», *сагатда* - «(за)беспокоиться, (за)тревожиться», *садаккха* - «вздохнуть; умертвить», *садала* - «умереть», *садала* - «отдыхать; отдохнуть, вздохнуть», *саийза* - «всхлипывать», *садукъа* - «задушить», *садукъ(а)дала* - «задохнуться/задышаться», *сабIарзда* - «расстроиться, огорчиться, отчаяться», *сатаса* - «рассветать; рассвести», *сатаса* «понадеяться на что-л.; истомиться, истосковаться», *салаца* «захватить дыхание», *самедала* - «успокоиться», *сахъийза* - «беспокоиться», *сакъера* - «веселиться, развлекаться», *салаца* - «захватить дыхание» и др. В бацбийском языке прямые соответствия приведенным словам встречаются редко, но сложные образования с первым компонентом *са-*, практически не имеющие прямых соответствий в чеченском и ингушском, здесь отмечены: *сахъалдалъар/сахъалъихар* - «отдать/ отдавать душу; умереть/умирать» (ср. чеч. *садала* - «умереть»), *садухдакхар* - «вздохнуть; выдохнуть» (в чеч. *са-даккхар* означает и «вздохнуть», и «лишить жизни»), *сахитар* - «испугаться» (чеч. *кхеравалар*), *сахитдар* - «испугаться» (чеч. *кхерор*), *садар* - «провести ночь без сна; бодрствовать» (чеч. *сема хилар*; *садар* в чеч. означает «рассвет»), *саххасар* - «рассветать» (но: *сахилIно* - «рассвет», *са-хилуила* - «время рассвета»), в чеч. «рассветать» – *сатаса*.

Таким образом, чистое основосложение, связанное с соединением основы одного мотивирующего слова и целого второго слова, дающее в итоге сложный глагол, широко представлено во всех трех нахских языках, при этом особенно активны в качестве первых компонентов таких слов имена существительные *са-* и *дог* (*докI*), дающие, особенно в бацбийском языке, десятки сложных глаголов со вторым компонентом – глаголом.

Выводы

1. Глаголы типа *мацдан* - «заставить проголодаться (бацб. *мацдар*), *кIежъяк-кхийта* - «вскипятить» (бац. *кIеIяхийтар*), *мустдала* - «скиснуть» (бацб. *мустIдалар*) следует считать композитами.
2. Использование собственно глагольных основ в словосложении можно считать специфической особенностью кавказских языков, которая может рассматриваться в

контексте лингвистической типологии.

3. Все сложные глаголы в литературных чеченском и ингушском, а также в бацбийском языке относятся к словам с подчинительным отношением основ.

4. Особенно продуктивно в чеченском языке образование глаголов (и соответственно отглагольных словоформных групп – масдаров и самостоятельных причастий) на базе существительного *са* и глагольной основы (или даже на базе сложного глагола – каузатива или потенциалиса; в этом случае это уже трехкомпонентные композиты): *сабIарзда* - «расстроиться», *сагатдала* - «(за)беспокоиться, (за)тревожиться».

5. Чистое основосложение, связанное с соединением основы одного мотивирующего слова и целого второго слова, дающее в итоге сложный глагол, широко представлено во всех трех нахских языках, при этом особенно активны в качестве первых компонентов таких слов имена существительные *са-* и *дог* (*догI*).

Список литературы

1. Берсиров Б.М. Структура и история глагольных основ в адыгских языках. – Майкоп, 2001. – 236 с.
2. Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. – Грозный, 1963. – 556 с.
3. Кабардино-черкесский язык. Том I. Создание письменности, Фонетика и фонология, Морфология, Синтаксис. – Нальчик : Эль-ФА, 2006. – 548 с.
4. Кадагидзе Д., Кадагидзе Н. Цова-тушинско-грузинско-русский словарь. – Тбилиси, 1984. – С. 203.
5. Мейланова У.А. Очерки лезгинской диалектологии. – М., 1964. – С. 131.
6. Хангереев М.Д. Словообразование в аварском языке. – Махачкала, 2004. - С. 98-99.
7. Чокаев К.З. Морфология чеченского языка. Словообразование чеченского языка. Словообразование частей речи. – Издание 2-е, исправленное и дополненное. – Грозный : Изд-во АН ЧР, 2010. – 384 с.
8. Сулейбанова М.У. Типология словообразовательных систем нахских и иноструктурных языков. – Пятигорск, 2010. – 165 с.

Рецензенты:

Навразова Х.Б., д.ф.н., профессор кафедры чеченской филологии ФГБОУ ВПО «Чеченский государственный университет», г. Грозный.

Тимаев А.Д., д.ф.н., профессор, профессор кафедры чеченской филологии ФГБОУ ВПО «Чеченский государственный университет», г. Грозный.